

УДК 811.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-417-426

Описание как функционально-смысловой тип речи, его виды и роль в художественном тексте

Л. П. Водясова

*Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
LVodjasova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Актуальность темы определяется тем, что функционально-смысловые типы речи до настоящего времени не достаточно изучены в финно-угорском языкознании. Предметом анализа в статье является описательный текст как один из функционально-смысловых типов речи (ФСТР).

Цель: рассмотреть описание как формы речи, служащей для изображения состояний действительности с подробным перечислением ряда одновременно существующих объектов и их признаков, выявление его видов, определение роли в художественном тексте.

Материалы исследования: произведения Народного писателя Мордовии К. Г. Абрамова.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования нами проанализирован один из функционально-смысловых типов речи – описание, выявлены (исходя из характера рематических компонентов высказывания) основные виды описательных текстов, определена их роль в художественном тексте. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые представлен развёрнутый анализ описательных текстов, определены их виды и функции в художественном тексте на материале произведений К. Г. Абрамова. Выявлено, что наиболее распространёнными являются описательные тексты с качественной и предметной рематой, менее используются описательные тексты с ремой динамического состояния и практически не встречаются описательные тексты с импрессивной ремой. При создании описания наиболее важными становятся предметы, свойства, качества, а не действия, поэтому основную смысловую нагрузку обычно несут имена существительные и прилагательные.

Ключевые слова: художественный текст, функционально-смысловой тип речи, текст-описание, объект описания, типы текста-описания.

Благодарности: автор выражает благодарность анонимному рецензенту за ценные советы в подготовке материалов статьи.

Для цитирования: Водясова Л. П. Описание как функционально-смысловой тип речи, его виды и роль в художественном тексте // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 417–426.

Description as the functional-semantic type of speech, its types and role in the artistic text

L. P. Vodyasova

*Mordovian State Pedagogical Institute,
Saransk, Russian Federation,
LVodjasova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the subject of the analysis of the article is descriptive text as one of the functional-semantic types of speech (FSTS).

Objective: to consider descriptions as forms of speech serving for image of states of reality with a detailed listing of a number of simultaneously existing objects and their attributes, revealing of its types, defining of its role in artistic text.

Research materials: the works of the national writer of Mordovia K. G. Abramov.

Results and novelty of the research: relevance of the themes is determined by the fact that functional-semantic types of speech are not enough studied in Finno-Ugric linguistics. As a result of the research we've analyzed one of the functional-semantic types, namely, descriptive texts; revealed (on the nature of the rhematic components of statements) their main types; identified their role in the artistic text.

The scientific novelty of the research lies in the fact that it first introduces detailed analysis of descriptive texts, defines their types and functions in the material of the works by K. G. Abramov. It was revealed that the most common are the descriptive texts with qualitative and substantive rhemes. Less common descriptive texts are the texts with rheme of dynamic state and almost non-existent descriptive texts are the texts with impressive rheme. During creating of description the most important are objects, properties, and qualities, but not actions. Therefore, the main semantic load is usually carried by nouns and adjectives.

Key words: artistic text, functional-semantic type of speech, text-description, object of description, types of text-description.

Acknowledgments: the author would like to thank an anonymous reviewer for valuable advice in the preparation of the article.

For citation: Vodyasova L. P. Description as the functional-semantic type of speech, its types and role in the artistic text // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2019; 9 (3): 417–426.

Введение

Как известно, текст (устный или письменный) является ведущей единицей речи. В его составе на логико-семантической основе выделяются функционально-смысловые типы речи (ФСТР), имеющие стабильную семантику, выражающуюся в соответствующей языковой структуре.

Функционально-смысловые типы речи в российском языкознании предметом исследования стали ещё в риториках XIX в. (сам термин не употреблялся). Они рассматривались в разделе частной риторики и квалифицировались как отдельные виды прозы или элементы прозаического сочинения. От учёных получали разные наименования: *способы изложения, типы текста, словесно-стилевые единства, композиционно-речевые формы* и др. Термин *функционально-смысловой тип речи* в научный оборот вводит в 1974 г. О. А. Нечаева [13], работа которой и положила начало активному изучению ФСТР.

В настоящее время ФСТР являются объектом внимания ряда исследователей. Так, Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев указывают, что функционально-смысловые типы речи могут представлять собой различные типы монолога. Это может быть повествование – информация о развивающихся действиях, описание – информация об одновременных признаках объекта, рассуждение – информация о причинно-следственных отношениях [8]. По мнению Н. Ю. Штрекер, функционально-смысловой тип речи – это текст с определённым обобщённым значением (предмет и его признак; предмет и его действие; оценка события, явления; причинно-следственные отношения и т. д.), выражаемый определёнными языковыми

средствами [16]. Н. С. Валгина при вычленении ФСТР главным считает учёт соотношения логико-смыслового и функционально-синтаксического принципов. Она исходит из того, что характер изложения материала в тексте может быть различным, но он всегда логически оправдан практикой человеческого мышления. Исследователь уверена, что в формировании функционально-смысловых типов речи большую роль играет характер рематических компонентов текста, а «форма и функция ремы» формируют его тип [5]. Мы солидарны с Н. С. Валгиной в этом плане [7]. На основе её методики нами проанализированы ФСТР на материале прозы Народного писателя Мордовии К. Г. Абрамова. Анализ показал, что автором используются разные способы синтаксического построения. Они различаются своей речевой организацией, однако наиболее разнообразными и эмоционально насыщенными являются описания [6]. Методика Н. С. Валгиной используется и другими авторами, в частности Т. Е. Жерноклетовой [9], О. В. Тозик [15].

Традиционно среди ФСТР выделяют повествование, описание, рассуждение (см., напр. [10; 12; 15; 18]), а также их контаминированные формы, причём мы согласны с Т. Е. Жерноклетовой, которая, выделяя разновидности контаминированной речи, приходит к выводу, что между субъектом, воспринимающим действительность, и построением контаминированного текста существует непреложная связь [9]. При формировании каждого ФСТР большое значение имеет темпоральность его структуры [19; 20]. Ряд авторов перечень ФСТР расширяют. Е. В. Карпова, например, самостоятельными формами считает определение и объяснение [11]. Кроме того, мы солидарны с Л. Н. Омельченко [14] в том, что не всегда

можно с уверенностью определить формы ФСТР, что даёт возможность говорить об их синкретизме. С нашей точки зрения, синкретизмом обладает и каждый отдельный функционально-смысловой тип речи в плане выражения содержания, формы и функций.

Целью настоящей статьи является рассмотрение одного из функционально-смысловых типов речи – описания, выявление его видов, определение роли в художественном тексте.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили произведения народного писателя Мордовии К. Г. Абрамова.

Методологической основой нашего исследования являются основные положения теории ФСТР. В качестве основного метода нами был определён метод структурно-семантического описания, предполагающий непосредственное наблюдение над функционально-смысловыми типами речи, их анализ и сопоставление. При рассмотрении описания как одного из видов ФСТР использован также метод моделирования.

Результаты

Описание (текст-описание, описательный текст) – один из функционально-смысловых типов речи, служащий для показа состояний действительности с перечислением ряда одновременно существующих объектов и их признаков. В своём составе этот тип речи обычно содержит эмоциональный, эстетический и художественный элементы, определяемые не только предметом речи, жанром, функцией в тексте, но и творческой манерой автора и т. д.

Как было уже сказано выше, каждый функционально-смысловой тип речи обладает синкретизмом в плане выражения свойственных им содержания, формы и функций. Не являются исключением и тексты-описания. Они отличаются разнообразием в зависимости от целого ряда условий, причём большую роль играет сам объект описания. Это может быть одушевлённый / неодушевлённый предмет, интерьер, экстерьер, пейзаж, событие и т. д. [6; 10; 12]. Частыми являются портретные описания [6; 10; 12; 17; 21].

Опираясь на методику Н. С. Валгиной [5] и исходя из характера рематических компонентов высказывания, мы выделили основные

виды описательных текстов в эрзянском языке и проанализировали их роль на материале произведений К. Г. Абрамова.

Наше исследование показало, что самыми распространёнными являются **описательные тексты с качественной ремой**. Наиболее типичны среди них описания окружающей среды: *Кармась манейгадомо. Пельтне кадовость тия-тува. Менеленть кушкасо вансь валдо ковось. Сон кенерсь лисеме ды куземе верев. Ловов паксясь ашо, ванькс. Лангсонзо а неяви чувто курынеяк* [2, 116] (Стало проясняться. Тучи остались кое-где. Посредине неба смотрела светлая луна. Она успела выйти и взобраться наверх. Снежное поле бело, чисто. На нём не видно и кустика). В рассматриваемом тексте рематические имена существительные относятся к конкретной лексике (*пельтне* «тучи», *ков* «луна», *пакся* «поле» и др.). К. Г. Абрамов широко использует слова с пространственным значением – обстоятельства места (*тия-тува* «кое-где», *менеленть кушкасо* «посредине неба», *верев* «наверх» и т. п.). Глагольные сказуемые (простые и составные) в смысловом отношении либо ослаблены, стёрты (*пельтне кадовость* «тучи остались», *вансь валдо ковось* «смотрела светлая луна», *кенерсь лисеме ды куземе верев* «успела выйти и взобраться наверх»), либо имеют качественно-изобразительное значение (*а неяви чувто курынеяк* «не видно и кустика»). В тексте-описании преобладает параллельное соединение предложений, однако третье и четвёртое предложения, а также пятое и шестое соединены между собой цепной связью (средством оформления связи между третьим и четвёртым предложениями выступает личное местоимение *сон* «она», замещающее имя существительное *ковось* «луна», между пятым и шестым – прономинализированный послелог *лангсонзо* «на нём», замещающий имя существительное *паксясь* «поле»).

С помощью логических ударений К. Г. Абрамов делает акцент на именах качества, а шире – признаках или наименованиях предметов: *Валскесь ульнесь потмура. Мольсь лов. Вармась энгамсь. Кальтне ашитить сэтъместэ. Вень кандыловось валинзе весе следтнэнь-янтнэнь. Ульця юткотне неявить валанякс, теке, мерят, кияк зярдояк эзь яка эзгаст* [4, 187] (Утро было пасмурным. Шёл снег. Ветер утих. Ивы стоят тихо. Ночная позёмка завалила все следы-тропинки. Улицы кажутся гладкими, словно

никто и никогда по ним не ходил). В этом тексте-описании логически выделены слова, называющие качества, признаки: *ульнесь потмура* «было пасмурным», *энгамсь «утих», аштить сэтъместэ* «стоят тихо», *неявить валанякс* «кажутся гладкими». Глаголы нерематичны, они не выражают активного действия; *Февраль ковось вармав ды буряв. Телесь капиши остаткадо невтемс апаро виензэ. Те шканть варманзо питить, ловозо сэрей, якшамозо ноцкозь ноцковтни аволь пиледе – сови потмозот, каподи седейс* [2, 175] (Месяц февраль ветренный и метельный. Зима торопится напоследок показать [свою] нехорошую силу. Ветры этого времени остры, снег высокий, холод дёргает не за уши – забирается во внутрь, хватает за сердце). Как и в предыдущем тексте-описании, здесь логически выделены слова с семантикой качества, признака предмета: *ковось вармав ды буряв* «месяц ветренный и метельный», *варманзо питить* «ветры [его] остры», *ловозо [его] сэрей* «снег высокий». Глаголы также нерематичны.

Значение качества, больше даже свойства, писателем может передаваться и по-другому: *Сась лекшев декабрьсь. Теке шержев атя, кежев. Равонть пельде эрва чи пувить коське якшамо вармат. Ловось калгодкстомсь, а ваулишме. Вирьсэ чувотне пакштордыть, керест лазновсть. Тарадтнэ теевсть эйзюрокс* [2, 99] (Пришёл покрытый инеем декабрь. Словно седой старик, злой. Со стороны Волги каждый день дуют сухие ветра. Снег затвердел, лошадь не провалится. В лесу деревья трещат, кора [у них] потрескалась. Ветки превратились в сосульки). В этом тексте, наряду с обычным способом передачи качественного значения с помощью имён прилагательных, писателем особым образом используются глагольные формы. Они помещены в признаковый контекст (*калгодкстомсь* «затвердел», *пакштордыть* «трещат», *керест лазновсть* «кора [у них] потрескалась»), логически выделены и позиционно обозначают свойства, присущие описываемому времени года.

В описательных текстах с предметной ремой логически выделенными, ударными, становятся названия предметов (имеется в виду предмет в широком понятийном смысле этого слова). Они обычно составляют фон описываемой картины. Если объект речи – неодушевлённый физический предмет, состоящий из

отдельных частей (например село, город, река, дорога, дом и пр.), то эти части детализируются, картины описываются с разных сторон: *Кудось вишкинель. Керш пеле ульнесь келей эзем, улема, ломаненть уцема тарказо, лангсонзо неявсть кодат-бути нулат. Киякс кушкасо озамо таркакс аштеть алка мукорь, перьканзо кияксонть ёртнезельть ленге луткот. Вить пеле цитнесь мазый стольне, пильгензэ тоцязь, зярд-бути, улема, вельтязель тюжса лаксо, ней вельтявкс лазозо весе ёзазь ды керзесь. Столенть кушкасо комавтозь вакан лангсо аштеть пузыртеме чеменев лампа, толстонзо мольсь раужо сод. Икельце стенасонть сырнень рамка потсо ды раужкадозь сулика ало неявсь портрет* [3, 53] (Дом (этот) был маленьким. На левой стороне была широкая лавка, по всей видимости, спальное место человека, на ней виднелись какие-то тряпки. Посредине пола для сидения стоял низкий пень, вокруг него были разбросаны лыковые обдирки. На правой стороне сверкал маленький столик, ножки [у него] выточены, когда-то, по всей видимости, он был покрыт жёлтым лаком, теперь верхняя доска вся стёрта и изрезана. Посредине стола на опрокинутой чашке стояла ржавая без пузыря лампа, от [её] огня шла чёрная сажа. На передней стене в золотой рамке и под почерневшим стеклом виднелся портрет). В этом тексте-описании зачином выступает первое предложение: *Кудось вишкинель*. Слово *кудось* «дом (этот)» обозначает статичный объект, оно становится темой, развиваемой далее рядом признаков. Логически выделены названия предметов, составляющие детализацию объекта, его рему: *эзем* «лавка», *киякс* «пол», *мукорь* «пень», *стольне* «столик», *лампа* «лампа», *портрет* «портрет». Сказуемые (и глагольные, и неглагольные) обозначают либо свойства (*кудось вишкинель* «дом (этот) был маленьким», *цитнесь ... стольне* «сверкал ... столик», *пильгензэ тоцязь* «ножки [у него] выточены», *вельтязель ... лаксо* «был покрыт ... лаком», *ней ... ёзазь ды керзесь* «теперь ... стёрта и изрезана»), либо фиксируют момент восприятия (*неявсть ... нулат* «виднелись ... тряпки», *аштеть ... мукорь* «стоял ... пень», *ёртнезельть ленге луткот* «были разбросаны лыковые обдирки», *аштеть ... лампа* «стояла ... лампа», *мольсь ... сод* «шла ... сажа», *неявсь портрет* «виднелся портрет»). Все они не активного действия, используются для

передачи сообщения о наличии предметов в момент их восприятия.

Следующий текст представляет собой описание местности, видимой читателем со стороны. В нём присутствуют глаголы-сказуемые, которые обозначают движение, но это не движение наблюдаемых предметов, скорее, это движение мысли наблюдателя: *Явлеесь – поки веле, ашти истямо жо лемсэ леень чиресэ. Веленть омбо пестэ сеске ушодови вирь, васня раужо, седе тов – пичень. Поки ульцязо юты базаронь пурнавома тарканть трокс ды лиси виренть чиресэ ськамонзо аштиця пандынес. Пандыненць тёкикесэ кирпецень часовня...* [3, 96] (Явлей – большое село, стоит на реке с таким же названием. На другом конце села сразу же начинается лес, вначале чёрный, подальше – сосновый. [Его] главная (букв.: большая) улица проходит через базар и выходит к одиноко стоящей горке на краю леса. На вершине горки кирпичная часовня...). Идентификатором темы становится слово *веле* «село», которое в последующих предложениях получает детализацию. В тексте преобладает параллельное соединение предложений, и только третье из них связано с первым предложением категориально с помощью лично-притяжательного суффикса *-зо* (*ульцязо*).

В любом произведении К. Г. Абрамова достаточно много места занимают портретные описания. И это объяснимо, т. к. автор обращает внимание на внешность персонажей, с помощью которой часто передаёт их характер, своё отношение к ним, характеризует свойства и действия – одно за другим, постепенно и отдельно: *Те ульнесь а нек сэрей, весе шержев, теке вельтязь лекшесэ, атя. Конязо келей, сакалонзо нурькинеть... Атясь ориазель кувака рясань кондямо оршамосо, кона зярд-бути, секень вант, ульнесь ашо, ней а содави кодамо тусонь. Пильгсэнзэ а сонзэ коряс поки кедень кемть, голенищаст сэрейть, апак чоча оршамканть экиштэ неяви – токасть цють а карксамосозонзо. Неть оршамотнесэ атясь неявсь виде-паронь ёвксонь ломанекс...* [3, 53] (Это был невысокий, весь седой, словно покрытый инеем, старик. Лоб [у него] широкий, борода (букв.: бороды) короткая... Старик (этот) был одет в длинную похожую на рясу одежду, которая когда-то, скорее всего, была белая, теперь непонятно какого цвета. На ногах [у него] не по размеру большие кожаные сапоги, [их]

голенища высокие, из-за не застёгнутой одежды видно – доходят чуть не до пояса. В этой одежде старик казался по-настоящему сказочным персонажем (букв.: человеком)...). Таким К. Г. Абрамов изображает эпизодического персонажа в одном из своих романов. С помощью этого описания писатель не только рисует внешность случайного персонажа, но и передаёт чувства героев произведения, попавших во время грозы в незнакомую лесную избушку, их интерес к незнакомцу и в то же время настороженность при его виде. Темой текста становится слово *атясь* «старик (этот)». Оно имплицитно повторяется перед каждой ремой, для усиления которой автор использует прежде всего неглагольные сказуемые: *конязо келей* «лоб [у него] широкий», *сакалонзо нурькинеть* «борода [у него] короткая», *кона ... ульнесь ашо, ней а содави кодамо тусонь* «которая ... была белая, теперь непонятно какого цвета», *голенищаст сэрейть* «[их] голенища высокие», *атясь неявсь ... ёвксонь ломанекс* «старик (этот) казался ... сказочным персонажем (букв.: человеком)...». Глагольные сказуемые при создании описания практически не используются. Все они являются простыми, в смысловом отношении либо ослаблены, стёрты (*неяви – токасть* «видно – доходят»), либо имеют качественно-изобразительное значение (*атясь ориазель* «старик был одет»). Законом в описании выступает первое предложение: *Те ульнесь а нек сэрей, весе шержев, теке вельтязь лекшесэ, атя*. Второе предложение с первым, а также четвёртое с третьим соединены цепной связью, оформленной категориально – при помощи лично-притяжательных суффиксов имени существительного: *-зо* (*конязо*), *-нзо* (*сакалонзо*), *-нзэ* (*пильгсэнзэ*), *-ст* (*голенищаст*), обозначающих принадлежность предмета третьему лицу. Третье предложение соединяется способом дистантной цепной связи с первым предложением, средством оформления связи выступает лексический повтор: *атя* «старик» – *атясь* «старик (этот)». Наконец, последнее предложение текста имеет итоговое описание, оно связано с предыдущим с помощью распространённого абстрактного имени существительного (*неть оршамотнесэ*). Интересна ироническая характеристика другого персонажа этого же романа: *Ава инжетнеде эряви ёвтамс Оксяк – Ортянь сазор. Сон эрсекинесь монастырьга ды те шкас прянзо*

кирди озныцякс. Меритькак тензэ озныця Окся. Оршамоськак лангсонзо озныцянь, весе раужо ... Черензэ пурназь удалов ды сюлмазь раужо нулынесь... [3, 21] (Среди женщин-гостей надо упомянуть и Оксю (Ксению) – младшую сестру Орти (Артемия). Она жила в монастырях и до сих пор считает себя монахиней (букв: молящейся). И называют её монашка Окся (Ксения). И одежда на ней монашеская, вся чёрная ... Волосы собраны назад и завязаны чёрной тряпчочкой...). Писатель здесь использует специальные приёмы, показывая внутренний мир персонажа через внешнее описание. Его мастерство сказывается в точном подборе и выстраивании нужных слов. Он сосредоточивается на деталях, вводит соответствующую лексику, строит такие синтаксические конструкции, которые помогают читателю понять, кто она. В самой их последовательности заключается дополнительная семантическая нагруженность. Идентификатором всей тематической группы выступает субстантивированное имя существительное *озныця* «монахиня» (букв.: молящаяся)». Логически выделенными становятся следующие конструкции: *прянзо кирди озныцякс* считает себя монахиней (букв: молящейся)», *озныця Окся* «монашка Окся (Ксения)», *оршамоськак ... озныцянь* «и одежда ... монашеская». Они напрямую соотносятся с предметом описания. Усиливает описание слово *раужо*, косвенно соотносимое с предметом описания: *оршамоськак ... весе раужо* «и одежда ... вся чёрная», *черензэ ... сюлмазь раужо нулынесь* «волосы ... и завязаны чёрной тряпчочкой».

Описания с ремой динамического состояния представляют собой тексты переходного характера, граничащие с повествованием. В них рассказывается о протекании действий с небольшими временными интервалами в ограниченном пространстве. Они передают информацию об изменениях в состоянии, которые, однако, не связаны с активным проявлением действий каких-либо субъектов или объектов, это фазисные переходы от одного состояния к другому, наблюдаемые со стороны. Структурное содержание описаний такого типа сводится к временному отношению простого следования. В связи с тем, что все внимание сосредоточено на фиксации динамики, на ряде моментов действия, их «пошаговом» характере, такое содержание определяет отбор

предложений, имеющих синсемантический характер и объединённых параллельной связью. Как правило, это изображение изменений в природе и их восприятие читателем: *Ютась кизэсь – ютась лембе шкась. Виресь ёмавтызе лопа мазынзэ. Ожолгадама шказо эзь са, ялатеке пижесэ теевсь чоподакс, теке кувать кандтнезь апак муське панар. Цецятнеде кортамскак а мезть, кадовсть меельцетне ды касытькак аволь тикше потмова, кода тундонсетне, ки чирева, пире удалга, коське латкова* [3, 96] (Прошло лето – прошла тёплая пора. Лес потерял красоту листьев. Время желтизны ещё не пришло, но зелень сделалась тёмной, словно долго носимая не выстиранная рубаха. О цветах и говорить нечего, остались последние да и растут [они] не в траве, как весенние, а вдоль дорог, на задворках, в сухих оврагах). Главные акценты писатель делает на глаголах-сказуемых, обозначающих фазисные изменения состояний, изменение степени качеств (*ютась лембе шкась* «прошла тёплая пора», *ёмавтызе лопа мазынзэ* «потерял красоту листьев», *ожолгадама шказо эзь са* «время желтизны ещё не пришло» и т. п.). Этому способствует и использование неглагольного сказуемого (*пижесэ теевсь чоподакс* «(зелень) сделалась тёмной»).

В таком же ключе построен и следующий текст. В нем фиксация нарастания одних качеств и убывания других. Писатель много внимания уделяет источникам создания зрительного образа: *Ашо лисьма виренть велькссэ кирвазь валскень зорясь. Гайгсь теке пичень кудо. Кельме коштканть сиянь пулекс ливтнесь чувтотнестэ невериця лекшесь. Чись алтась улемс маней, сэтме* [3, 193] (Над Белокологским лесом зажглась утренняя заря. Звенела, словно сосновый дом. По холодному воздуху серебряной пылью летал падающий с деревьев иней. День обещал быть ясным, тихим). Напротив, в другом тексте фиксируется убывание одних качеств и нарастание других: *Чись ансяк кенерсь валгомо. Меельце валдозо якстерди Ашо лисьмань [виренть] велькссэнтэ ды Ветьке пандонь тёкикесэнтэ. Вишкалей лушмонть копачизе чопода сулей. Чивалгома ёно пельтне палыть бордовой толсо. Ветьке пандо чамаванть велентень валги скалонь стадасть. Ульця ютконь молицятне секе-тев вастнить нуемстэ сыця ават* [2, 347] (Солнце только начало спускаться. [Его] последний свет краснеет

над Белоколодезным [лесом] и верхушкой горы Ветьке. Долину Вишкалея покрыл тёмный туман. На западе облака горят бордовым огнём. По склону горы Ветьке к селу спускается коровье стадо. Идущие по улице постоянно встречают возвращающихся с жатвы женщин).

Динамическое описание может основываться и на использовании глаголов активного действия, с помощью которых обозначаются действия, наблюдаемые читателем со стороны. Они характеризуют лицо, предмет, а не действия, совершаемые во времени: *Захаронь маиштыця кеденть ало айгорось мольсь киштезь, мерят, прянзо шны ваныцятнень икеле. Кренч тюсонь гриванзо цитнесть а ёвтавиця цитнемасо, палсть ды лыйнесть раужо толгельсэ. Мендязовь кирьгазо эзь кельге чирькенть алов, ды эрьва аволдамсто ёртнесь горниповонь чольнемат. Аволь ансяк лият, сонсь айгоронь азороськак седеень кецязь вансь, кода мазыйстэ сон моли* [3, 223] (Под умелой рукой Захара жеребец шёл, приплясывая, словно хвалится перед зрителями. Грива цвета ворона сверкала несказанным блеском, горела и трепетала чёрным огнём. Согнутая шея не влезала под дугу, и при каждом взмахе бросала звон бубенцов. Не только другие, сам хозяин жеребца, сердцем радуясь, смотрел, как красиво он идёт).

Следующий текст также построен на использовании глаголов активного действия. К. Г. Абрамов с их помощью рисует яркую картину переполненной людьми и транспортом дороги – дороги, по которой люди бегут от врага. Именно глаголы движения создают ощущение напряжённости, безысходности, тягостности и безнадёжности от случившегося. Динамическое описание представляет собой психологическую зарисовку, в нём изображение переживаний, динамики внутреннего состояния персонажей. Задача автора состоит в описании процесса вне зависимости от конкретного времени. Текст отличается особой эмоциональностью: *Покш кись лыки, мерят, ине гуй... Ардыть автомашинасо, лишмесэ. Молить ялго, вейте-вейте, кавтонь-кавтонь, гурьбасо, полксо. Молить военнойть ливезькадозь ды сэксэв гимнастёркасо, молить ошонь ды велень ломанть канст марто ды кансттомо. Молить сыреть, одт, эйкакит. Весе сынь молить чилисема ёнов. Капшить се даволдонть, конась те валске апак учо кепединзе*

таркасто, ливтинзе кудосто, панинзе ки лангов [2, 31] (Большая дорога колыхается, словно большой змей... Едут на автомашинах, лошадях. Идут пешком, по одному, по двое, гурьбой, полками. Идут военные в потных и засаленных гимнастерках, идут городские и сельские люди с вещами и без вещей. Идут старые, молодые, дети. Все они идут на восток. Торопятся от того урагана, который в это утро их неожиданно поднял с кровати, вывел на улицу, выгнал на дорогу).

Описательные тексты с импрессивной ремой создаются с помощью слов категории состояния, отвлечённых имён существительных, обозначающих чувства, состояния. В их состав входят также качественно-оценочные имена прилагательные и наречия. Тексты такого типа представляют собой описания внешнего или внутреннего мира субъекта через его эмоциональное впечатление: *Миколень сэрьга, мерят, валсть кельме ведь. Кизэнь лембе весь сонензэ друк кармазь марявомо якишамокс. Ковонь валдось, кона цитни каль лопатнень лангсо сиякс, неяви тензэ ашо лекшекс* [1, 190] (Миколя (Николая) словно холодной водой облили. Тёплая летняя ночь вдруг стала холодной. Свет луны, которая серебром блестит на листьях ивы, кажется ему белым инеем). В следующем тексте также можно выделить рематические компоненты, содержащие описание эмоциональных впечатлений субъекта: – *Вечкса те шканть, ещё допрок эзь чопоте, но уш аволь чияяк, – кортазевсь [гитарасо] седицясь. – Сундерьксэнь валдось сэтместэ сови вальматнева, сув ладсо ацави стенатнень ланга, масторга, уголтнэва поволи качамонь кондят шаршавт, ды истямо шкасто маряви тетть, аштят косо-бути ёвксонь дворецэ* [1, 130] (– Люблю это время, ещё до конца не стемнело, но уже и не день, – заговорил играющий [на гитаре]. – Сумеречный свет тихо входит в окна, туманом расстилается по стенам, полу, по углам развешивает похожие на дым занавески, и в такое время кажется, будто находишься где-нибудь в сказочном дворце).

Обсуждение и заключение

Развёрнутый анализ описательных текстов, сделанный нами на материале произведений К. Г. Абрамова, продемонстрировал, что в художественном тексте описание часто воплощает

наглядно-чувственный образ. При его создании для писателя наиболее важными становятся предметы, свойства, качества, а не действия, поэтому основную семантическую нагрузку обычно несут имена существительные и прилагательные. Однотипность форм сказуемого подчёркивает статичность речевой формы. Наиболее часты описания с единым планом настоящего времени или с еди-

ным планом прошедшего времени. Часто они включают номинативные и эллиптические конструкции, что создаёт своеобразный номинативный стиль. Степень статичности в описаниях с планом прошедшего времени ниже, чем в описаниях с планом настоящего времени. Поскольку описание статично, писатель с его помощью как бы перебивает повествование, останавливает действие.

Список источников и литературы

1. Абрамов К. Г. Ломантне теевсть малацекс = Люди стали близкими: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 428 с.
2. Абрамов К. Г. Качамонь пачк = Сквозь дым: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. 556 с.
3. Абрамов К. Г. Исяк якинъ Найманов = Вчера ходил в Найманы: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 318 с.
4. Абрамов К. Г. Кочказь произведеният: колмо томсо. 3-це том: ёвтнемат ды пьесат = Избранные произведения: в трёх томах. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. Т. 3. 720 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
6. Водясова Л. П. Эмоциональный потенциал описательных текстов с качественной и предметной ремами в произведениях К. Г. Абрамова // Вестник угроведения. 2015. № 2. С. 17–21.
7. Водясова Л. П. Функционально-смысловые типы речи как коммуникативно и прагматически обусловленные разновидности монолога // Гуманитарные науки и образование. 2018. Т. 9. № 3. С. 157–162.
8. Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. 441 с.
9. Жерноклетова Т. Е. Явление контаминации функционально-смысловых типов речи как результат закономерного процесса восприятия действительности // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10–4. С. 78–83.
10. Каджая Л. А., Салимовский В. А. Описание как иллокутивный акт и тип речи // Филология в XX веке. 2018. № 1. С. 36–41.
11. Карпова Е. В. Определение и объяснение как различные функционально-смысловые типы речи // Научные труды Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. Серия: Психолого-педагогические науки. Калуга: Изд-во КГУ, 2015. С. 247–250.
12. Минношева И. Ф. Описание как функционально-смысловой тип речи // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2015. № 2. С. 91–94.
13. Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи. Улан-Удэ: Буряткнигоиздат, 1974. 246 с.
14. Омельченко Л. Н. О Синкретизме в системе функционально-смысловых типов речи // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 10. С. 55–59.
15. Тозик О. В. Художественное рассуждение как функционально-смысловой вид иноязычной творческой письменной речи // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2017. № 2. С. 110–114.
16. Штрекер Н. Ю. Русский язык и культура речи. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 351 с.
17. Duskaeva L. R., Konyayeva Yu. M. Types of information portraits in a journalistic discourse // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2017. Vol. 9. No. 4. Pp. 131–143.
18. Khamaganova V. M. Functional, semantic and stylistic characteristics of the words designating the «description-portrait» in a lexical model of a text // European Journal of Literature and Linguistics. 2016. No. 1. Pp. 88–93.
19. Kobalia L. D. Temporal structure of a text of the main genres of the newspaper publication (on the basis of the newspaper materials «Berliner Morgenpost») // Наука и технологии. 2015. No. 2. Pp. 77–84.
20. Kobalia L. D. Temporal structure of a text of «small forms» of newspaper publicism (on the basis of the newspaper materials «Berliner Morgenpost») // Наука и технологии. 2016. No. 2. Pp. 153–158.
21. Matvieieva O. Linguistic features of artistic text and methods of introducing the portrait description // Міжнародний науковий журнал Інтернаука. 2018. Vol. 1. No. 10 (50). Pp. 72–75.

References

1. Abramov K. G. *Lomantne teevst' malatseks = Lyudi stali blizkimi: roman* [People became close persons: novel]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1961. 428 p. (In Mordovian-Erzya)
2. Abramov K. G. *Kachamon' pachk = Skvoz' dym: roman* [Through the smoke: novel]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1964. 556 p. (In Mordovian-Erzya)
3. Abramov K. G. *Isyak yakin' Najmanov = Vchera khodil v Najmany: roman* [Yesterday I went to Naymany: novel]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1987. 318 p. (In Mordovian-Erzya)
4. Abramov K. G. *Kochkaz' proizvedeniyat: kolmo tomso. 3-ce tom: yovtnemat dy p'esat = Izbrannye proizvedeniya: v tryokh tomah* [Selected works: in three volumes]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 2004. Vol. 3. 720 p. (In Mordovian-Erzya)
5. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Theory of text]. Moscow: Logos Publ., 2003. 280 p. (In Russian)
6. Vodyasova L. P. *Emocional'nyj potencial opisatel'nyh tekstov s kachestvennoj i predmetnoj remami v proizvedeniyah K. G. Abramova* [The emotional potential of descriptive texts with qualitative and substantive rhemes in the works of K. G. Abramov]. *Vestnik ugrovedeniia* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 2, pp. 17–21. (In Russian)
7. Vodyasova L. P. *Funkcional'no-smyslovyje tipy rechi kak kommunikativno i pragmaticheski obuslovlennye raznovidnosti monologa* [Functional-semantic types of speech as communicative and pragmatic varieties of a monologue]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education], 2018, no. 9 (3), pp. 157–162. (In Russian)
8. Graudina L. K., Shiryayev E. N. *Kul'tura russkoj rechi i effektivnost' obshcheniya* [Culture of Russian speech and effectiveness of communication]. Moscow: Nauka Publ., 1996. 441 p. (In Russian)
9. Zhernokletova T. E. *Yavlenie kontaminacii funkcional'no-smyslovyh tipov rechi kak rezul'tat zakonmernogo processa vospriyatiya dejstvitel'nosti* [The phenomenon of contamination of functional-semantic types of speech as a result of natural process of reality perception]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Buryat State University Bulletin], 2014, no. 10–4, pp. 78–83. (In Russian)
10. Kadzhaya L. A., Salimovskiy V. A. *Opisanie kak illokutivnyj akt i tip rechi* [Description as an illocutionary act and a type of speech]. *Filologiya v XXI veke* [Philology in the XXI century], 2018, no. 1, pp. 36–41. (In Russian)
11. Karpova E. V. *Opreделение i ob'yasnenie kak razlichnye funkcional'no-smyslovyje tipy rechi* [Definition and explanation as the various functional-semantic types of speech]. *Nauchnye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. E. Ciolkovskogo. Seriya: Psihologo-pedagogicheskie nauki* [Scientific works of K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University. Series: Psychological and pedagogical sciences]. Kaluga: Izd-vo KGU Publ., 2015. pp. 247–250. (In Russian)
12. Minyusheva I. F. *Opisanie kak funkcional'no-smyslovoj tip rechi* [Description as the functional-semantic type of speech]. *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnogo i nauchno-tehnicheskogo znaniya* [Actual problems of socio-humanitarian and technical knowledge], 2015, no. 2 (5), pp. 91–94. (In Russian)
13. Nechaeva O. A. *Funkcional'no-smyslovyje tipy rechi* [Functional-semantic types of speech]. Ulan-Ude: Burjatknigoizdat Publ., 1974. 246 p. (In Russian)
14. Omelchenko L. N. *O Sinkretizme v sisteme funkcional'no-smyslovyh tipov rechi* [About syncretism in the system of functional-semantic types of speech]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Buryat State University Bulletin], 2013, no. 10, pp. 55–59. (In Russian)
15. Tozik O. V. *Hudozhestvennoe rassuzhdenie kak funkcional'no-smyslovoj vid inoyazychnoj tvorcheskoj pis'mennoj rechi* [Artistic discourse as functional-semantic type of foreign creative writing speech]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Belarusian State University. Philology], 2017, no. 2, pp. 110–114. (In Russian)
16. Shtreker N. Yu. *Russkij yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and culture of speech]. Moscow: YUNITI-DANA Publ., 2011. 351 p. (In Russian)
17. Duskaeva L. R., Konyaeva Yu. M. Types of information portraits in a journalistic discourse. *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*, 2017, vol. 9, no. 4, pp. 131–143. (In English)
18. Khamaganova V. M. Functional, semantic and stylistic characteristics of the words designating the «description-portrait» in a lexical model of a text. *European Journal of Literature and Linguistics*, 2016, no. 1, pp. 88–93. (In English)
19. Kobalia L. D. Temporal structure of a text of the main genres of the newspaper publication (on the basis of the newspaper materials «Berliner Morgenpost»). *Nauka i tekhnologii* [Science and technology], 2015, no. 2, pp. 77–84. (In English)

20. Kobalia L. D. Temporal structure of a text of «small forms» of newspaper publicism (on the basis of the newspaper materials «Berliner Morgenpost»). *Nauka i tekhnologii* [Science and technology], 2016, no. 2, pp. 153–158. (In English)

21. Matvieieva O. Linguistic features of artistic text and methods of introducing the portrait description. *Міжнародний науковий журнал Інтернаука* [International scientific Bulletin], 2018, vol. 1, no. 10 (50), pp. 72–75. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Водясова Любовь Петровна, профессор кафедры родного языка и литературы ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11 А), доктор филологических наук, профессор.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6767-6337

ABOUT THE AUTHOR:

Vodyasova Lyubov Petrovna, Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical Institute (430007, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya st., 11A), Doctor of Philological Sciences.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6767-6337.